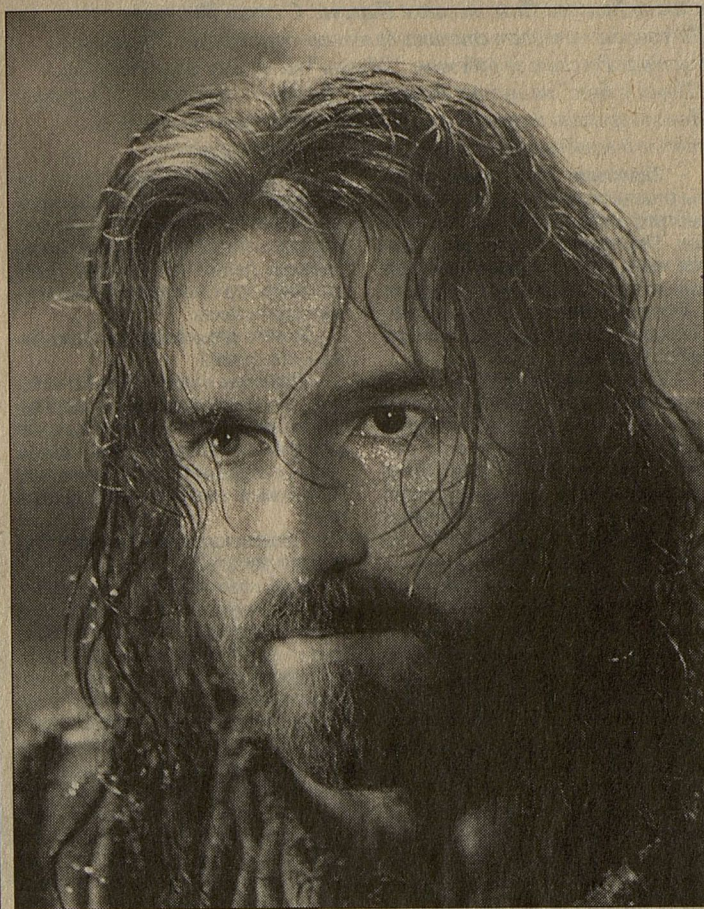

ДЖЕЙМС КЭВИЗЕЛ:

Работать с Гибсоном – это танцевать с ураганом

35-летний американский актер Джеймс КЭВИЗЕЛ впервые привлек к себе внимание кинозрителей, сыграв в фильме Терренса Малика "Тонкая красная линия". Популярность пришла к нему после главной роли в "Графе Монте-Кристо". Но по-настоящему об актере заговорили после того, как он исполнил роль Иисуса в фильме Мела Гибсона "Страсти Христовы". Этой ленте еще предстоит выйти на широкий экран (Гибсон запланировал американскую и европейские премьеры на время Великого поста), а спорами о ней полнятся страницы СМИ. В ожидании премьерного показа Джеймс Кэвизел рассказал о своей работе у Мела Гибсона.

Д.Кэвизел в роли Иисуса

– Перед тем как вы сыграли эту роль, вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на Иисуса?

– Ничего подобного ни разу не слышал. Однажды, когда был моложе, мне сказали, что я похож на Гибсона. Когда я ему об этом рассказал, он ответил: вот еще, я гораздо симпатичнее.

– Играть Христа – пугающее предложение. Почему вы его приняли?

– Мне позвонили от продюсера Стивена Макквити и сказали, что он ищет актера для фильма о серфинге. Мы встретились за ленчем, а через некоторое время к столу подсел Гибсон. И начал рассказывать о том, через какие муки прошел Христос. Я несколько удивился и говорю, я видел фильм Дзеффирелли "Иисус из Назарета". "Да нет, – отвечает Мел, – я говорю о реальных событиях". И тут меня осенило – он хочет, чтобы я сыграл у него Христа.

– Ничего себе кино про серфинг...

– Это они придумали, чтобы встретиться и посмотреть, что я из себя представляю.

– Он вам сказал, что вам придется играть на арамейском языке, на котором говорил Иисус?

– Да, он говорил что-то про арамейский, древнееврейский и латынь, которые хотел использовать в фильме, но я про себя подумал, что он никогда на это не решится. Ошибся. Работать с Гибсоном – все равно что танцевать вальс с ураганом. Это приподнимает над землей, но никогда не ясно, где опустит. Я-то думал, что самое трудное будет выучить языки, но оказалось, что хуже всего – физическая боль. Пришлось сильно помучиться из-за холода.

– Холода? А разве вы не в Италии снимали?

– Да, в Италии, но зимой. Я был лишь в набедренной повязке и страшно мерз. Мы начинали в 2 часа ночи. Иногда меня гримировали по восемь часов подряд, причем присесть было нельзя. Когда снимали сцены на кресте, дул страшно холодный ветер, он буквально разрывал меня на куски. Вы когда-нибудь видели такой ярмарочный аттракцион: парня привязывают к вращающемуся колесу и бросают в него ножи? В аттракционе, понятное дело, они втыкаются рядом с ним, а я себя чувствовал так, будто все до одного попадали прямо в меня.

– Длинную сцену, в которой Иисуса подвергают бичеванию, просто смотреть невозможно.

– Они прикрепили мне сзади доску в полдюйма толщиной, чтобы "римские солдаты" не повредили мне спину. Но один промахнулся и врезал мне прямо по спине, ободрав ее до крови. Я не то что крикнуть, я вздохнуть не мог. От такой боли сразу наступает шок. Я не помню, но, кажется, повернулся к "солдату" и обматерил его. Через два удара он снова промахнулся. У меня до сих пор на спине шрам в 14 дюймов. В общем, всякие бывали денечки – и плохие, и хорошие.

– Этот, видно, был плохим.

– Как вам сказать. Вы знаете, меня ведь еще и молнией ударило.

– Настоящей молнией?

– Да еще какой. Мы снимали сцену Нагорной проповеди. Все вроде бы шло нормально, и вдруг словно кто-то с размаху ударил меня по ушам. Несколько секунд я ничего не видел, какие-то розовые всполохи, а потом услышал, как все кричат благим матом. Мне потом говорили, что огонь сверкнул слева от моей головы, а тело засветилось. У меня потом на голове было что-то вроде перманента.

– Вам не пришло в голову, что, если вы играете Христа и вас бьет молния, ему это не очень нравится?

– Ну да, кадр не глянулся.

– Вы католик. Эта роль усилила вашу веру?

– Я полюбил Христа, как никогда прежде. Больше, чем люблю свою семью. Когда снимали сцены на кресте, я иногда не мог говорить. Постоянное переохлаждение трудно переносится. Со мной что-то произошло. Мне не хочется, чтобы люди видели меня. Я хочу, чтобы они видели Иисуса.

– Гибсон делился с вами, почему он захотел снимать этот фильм?

– Он мне сказал, что у него в жизни был трудный период 12 лет назад и он вновь открыл для себя Библию. Начал размышлять о крестном пути Иисуса. И раны Спасителя излечили его собственные.

– Вас удивил скандал, который разгорелся вокруг фильма еще до его выхода на экран? Мела обвинили в антисемитизме.

– Очень грустно было это видеть и слышать. Я вам одно могу сказать: никакой он не антисемит, ни капелюшки. Я этого за ним ни разу не замечал. Актриса Майя Моргенштерн, румынская еврейка, у которой родители пережили Холокост, играла у нас Деву Марию. Мел ее каждый день расспрашивал о ее религии. Боялся ошибиться в деталях. Вместо того чтобы снимать в роли Христа такого голубоглазого арийца, он хотел, чтобы Спаситель выглядел настоящим евреем. Наша вера неразрывно связана с иудаизмом. Мы верим в то, что ведем свой род от дома Давидова. Мы же не можем ненавидеть своих духовных предков. Толпа, орущая на площади перед дворцом Понтия Пилата: "Распни его, распни!" – это вовсе не обвинение всему народу. Нельзя же обвинять итальянцев за то, что натворил Муссолини, а русских – за отвратительные деяния Сталина. Это расплата за мои грехи. И за ваши. Вот о чем вся эта история.

– Трудно было молчать, когда некоторые еврейские деятели обвиняли вас в юдофобстве?

– У них есть право защищать свою веру. Но я знаю, что, когда все мои братья-евреи увидят этот фильм, они поймут, что их ни в чем не обвиняют. Это фильм о любви, о жертве, о прощении и надежде.

По материалам журнала "Ньюсуик" подготовила Катя МИЛОВИДОВА

Фото Рейтер

Кадр из фильма

Кэвизел – 2004 – 26 февр. – 3 марта – 1.15

Кэвизел

3 03 04
168